

DOI 10.24411/9999-001A-2020-10042
УДК: 7.06

А.Т. Салимова
Азербайджанский архитектурно-строительный университет
ул. Айна Султановой, д. 11, г. Баку, Азербайджан, AZ1073
aytansalimova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-6730>

Дом как архетип мироздания в культуре Азербайджана

Аннотация

В статье проведен анализ развития жилой архитектуры Азербайджана с древнейшего времени до XIX в. Рассмотрен комплекс символических представлений, повлиявших на ее формирование. Древние жилища совмещали жилые и ритуальные функции: очаг выступал в роли алтаря, свето-дымовое отверстие над очагом осуществляло в представлении древних народов связь с Вселенной, а центральная ось соответствовала мировой оси — мировому дереву. Также можно утверждать, что первые жилые строения совмещали в себе горизонтальные и вертикальные космологические параметры, представляли собой модель космоса и в дальнейшем послужили развитию четырехугольных жилых домов с деревянно-ступенчатым сводом и центрально-купольных культовых сооружений.

Ключевые слова: Азербайджан, Кавказская Албания, жилище, богиня-мать, очаг, три маралухи, небесный охотник, мировое дерево

A.T. Salimova
Azerbaijan University of Architecture and Civil Engineering
Ayna Sultanova Street, 5, Baku, Azerbaijan, AZ1073
aytansalimova@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1824-6730>

House as an archetype of the universe in Azerbaijan culture

Abstract

The article analyzes the evolution of residential architecture in Azerbaijan from ancient times to the 19th century. It considers the complex of symbolic representations that influenced its formation. The ancient dwellings with a hearth as an altar combined residential and ritual functions. The light-smoke opening above the hearth, provided communication with the Universe as ancient people thought. A central support of the dwelling is the world axis — the world tree. It can also be said that the first residential buildings combined horizontal and vertical cosmological parameters. They represented a space model, and subsequently promoted the development of quadrangular dwellings with a wooden-step arch, and also central-domed religious buildings.

Key words: Azerbaijan, Caucasian Albania, dwelling, Mother Goddess, hearth, the «three female reindeers», the Heavenly hunter, the world tree

Введение. Азербайджан — один из древнейших очагов человеческой культуры. Анализируя к последним археологическим исследованиям, можно говорить о принадлежности территории Азербайджана к «району плодородного полумесяца» [Нариманов, 1966; с. 268; Ахундов, Алмамедов, 2009, с. 18].

Поселение Шому-тепе — самый древний памятник на территории Южного Кавказа, свидетельство перехода племен к оседлой жизни. Исследование Шому-тепе дало название шомутепинской культуре Закавказья (поздний неолит или ранний энеолит; VI — начало V тыс. до н.э., южный Кавказ),

предшествующей куро-аракской. Кроме него можно отметить Баба-Дервиш (Газахский р-н) и Гей-тепе (Товузский р-н) (ил. 1), которые наглядно иллюстрируют процессы развития земледельческо-животноводческого хозяйства, увеличение производства и продуктов питания, прирост населения, строительство домов из сырцового кирпича и зарождение религиозных верований. На территории Азербайджана выявлено более 100 раннеземледельческо-скотоводческих памятников эпохи энеолита: бассейн Куры, Мильско-Карабахская степь, Мугань и зона Аракса [Алиев, 1988, с. 55–56] — поселение

Ходжахан, Агылы дере (Товузский р-н), Пойлу I, Пойлу II, Беюк-Кесик I и Союгбулагские курганы.

Начало употребления медно-мышьяковых предметов в Азербайджане относится к середине IV тыс. до н.э. — Кюль-тепе I (Нахичеванская АР), Лейла-тепе (Агдамский р-н), Баба-Дервиш (Казахский р-н) [Рагимова, 2009, с. 21]. Отмечается высокий уровень развития металлургии по сравнению с сопредельными странами — территория Азербайджана эпохи энеолита и бронзы была одним из ведущих очагов древнейшей металлообработки и металлургии, чему способствовал высокий уровень культурно-экономического развития населявших ее племен [Там же].

В эпоху ранней бронзы (IV–III тыс. до н.э.) территория Азербайджана входила в обширный ареал куро-аракской культуры, распространенной на большей части Кавказа, Восточной Анатолии и Северо-Восточного Ирана, отличающейся единством культуры. Несомненно, на развитие городской культуры большое влияние оказали тесные связи с цивилизациями Месопотамии, Малой Азии и Ирана [Алиев, 2007, с. 4].

Гобустанские петроглифы (IV–II тыс. до н.э.) несут в себе глубинные пласты древне-

тюркских и прототюркских космогонических воззрений, и это не только потому, что многие наскальные изображения однородны с сюжетами, высеченными на камнях Туркестана, Алтая, Урала, Енисея, просто само название Гобустан тесно связано с Алтайскими легендами. Петроглифы Гямыгая (Нахичеванская автономная республика) идентичны наскальным изображениям Гобустана, Кельбаджара, Гойче (ныне Севан), Шеки, Карадага и Малой Азии и свидетельствуют о том, что в V–I тыс. до н.э. эти регионы были населены родственными племенами.

С распадом куро-аракской культуры, с последней четверти III тыс. до н.э. на территории Азербайджана начинается эпоха средней бронзы, когда, по-видимому, происходит образование племенных союзов [История Азербайджана, 2007, с. 402–404] — значительно развиваются ремесла, металлургия, металлообработка, гончарное искусство. Эта эпоха принесла с собою множество важных перемен, связанных с увеличением производительности труда, умножением прибавочного продукта — важнейшего фактора формирования раннеклассовых отношений, усилением имущественной и социальной дифференциации, учащением военных столкновений и т.д. [Там же]. Вторая

Ил. 1. Поселение Гей-тепе (неолит, Товузский р-н, Азербайджан;
<https://i2.wp.com/www.bakixeber.az/wp-content/uploads/2018/07/10-1.jpg?resize=640%2C427&ssl=1>)

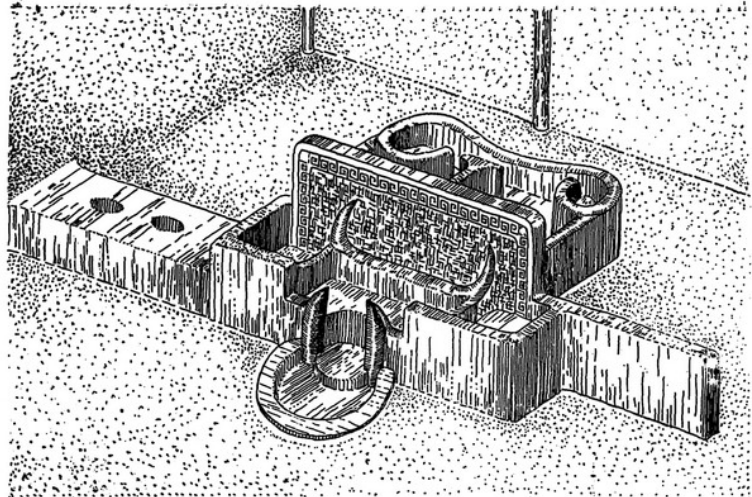
Fig. 1. The settlement of Gey tepe (Neolithic, Tovuz district, Azerbaijan;
<https://i2.wp.com/www.bakixeber.az/wp-content/uploads/2018/07/10-1.jpg?resize=640%2C427&ssl=1>)

половина II — начало I тыс. до н.э. — эпоха поздней бронзы и начало века железа на территории Южного Кавказа и Северо-Западного Ирана, время интенсивного распада первобытнообщинного строя и перехода к раннеклассовым образованиям оставило в Азербайджане значительное количество памятников. На территории Азербайджана в этот период существуют несколько археологических культур: ходжалы-кедабекская, нахчыванская, приурмийская, талыш-муганская, каякентско-хорочоевская [Там же]. Складывание этих культур происходило во второй половине II тыс. до н.э. Они продолжали развиваться и в начале I тыс. до н.э. Археологические данные свидетельствуют о существенных сдвигах в производстве и общественной жизни племен Азербайджана в эпоху поздней бронзы и раннего железа [Там же].

В Кавказской Албании, которая поддерживала связи с близкими эллинистическими государствами, сформировалась своеобразная культура, опиравшаяся на местные корни и традиции, существовал целый ряд религиозных систем и культов.

С приходом ислама наступает новый этап — этап развития городской культуры под влиянием мусульманского мировосприятия. Природно-географические факторы и социально-экономические процессы способствовали образованию в Азербайджане четырех региональных архитектурных школ, отличающихся друг от друга относительной самостоятельностью, которые сформировались вокруг крупных городов страны: на северо-востоке — Ширванская, на северо-западе — Аранская, в центральной части — Марага-Нахичеванская и юго-востоке — Казвин-Хамаданская. Развитие их архитектуры, естественно, не проходило изолированно в строго четких границах определенных территорий — они, будучи частицей единого целого, действовали как отдельные, частные звенья азербайджанской культуры.

Содержание. Традиционные типы и формы поселения в Азербайджане складывались на протяжении веков и были обусловлены уровнем общественно-экономического развития, естественно-географическими условиями и соответствовали региональным особенностям. Климат и богатая природа создали условия для обоснования на плодородной земле племен, которые, как известно, использовали естественные укрытия — пещеры, среди которых можно назвать Азых, Таглар, Гобустан, Газма, Авейдаг [Алекперов, 1960, с. 15]. Среди искусственных пещер можно назвать юго-восточное и северо-восточное подножия Большого и Малого Кавказа, Талышских гор (Губа, Шамахи, Губадлы, Зангилян, Кяльбаджар, Лачин, Лерик) и на территории Южного Азербайджана [Там же, с. 23].

Илл. 2. Алтарь Митры в поселении Баба-Дервиш (Казахский р-н, Азербайджан) [Ахундов, 1986, с. 164]

Fig. 2. Altar of the Mitra in the settlement of Baba Dervish (Kazakh district, Azerbaijan) [Akhundov, 1986, p. 164]

Следы существования простейших наземных жилищ из ветвей, опирающихся на центральный столб, были распространены уже в эпоху нижнего палеолита [Денисова, 1990, с. 101]. Жилища данного типа, получившие у нас название «човустаны», стали прототипом юрты.

Впоследствии в результате формирования поселений земледельческо-скотоводческих племен появляются новые виды жилища. Круглые постройки из кирпича впервые были выявлены на поселении Шомутепе (Астаринский р-н, VI–IV тыс. до н.э.), прямоугольные — в поселении Тойре-тепе (Казахский р-н), землянки — в Баба-Дервиш (IV–III тыс. до н.э.). Археологические исследования на территории Азербайджана начались давно, и именно здесь, впервые во всем Восточном Закавказье были обнаружены основные памятники эпохи неолита и халколита (Кюльтепе, Шомутепе, Шулавери, Аликемектепеси и Лейлатепе).

В V–IV тыс. до н.э. в Азербайджане уже существовали архаичные формы карадамов деревянно-ступенчатым сводом без столбов или с одним внутренним, в III тыс. до н.э. появляется карадам с применением каркасно-балочной конструкции, где перекрытие опирается на четыре пристенных столба, а позднее — карадам с четырьмя столбами [Мехтиева, 1987, с. 24].

При переходе к закругленному плану в V–IV тыс. до н.э. в планировке появляется центральный столб со смещением от центра 1,5 м [Там же]. Можно предположить, что подобное жилище совмещало жилые и ритуальные функции, где очаг выступал в роли алтаря, свето-дымовое отверстие над очагом — как связь с Вселенной, а мировая ось фиксировалась центральной опорой.

Ил. 3. Алтарь Митры в поселении Сары-тепе (Казахский р-н, Азербайджан) [Ахундов, 1986, с. 165]
Fig. 3. Altar of the Mitra in the settlement of Sari Tepe (Kazakh district, Azerbaijan) [Akhundov, 1986, p. 165]

Впоследствии эволюция жилого дома, необходимость увеличения жилого пространства привела к трансформации круглых построек в прямоугольные — так как при помощи сырцового купола невозможно было перекрыть помещение диаметром более 8 м [Там же].

Археологические исследования позволяют утверждать, что подобная эволюция жилища Азербайджана происходила в V–IV тыс. до н.э. параллельно с Месопотамией и Передней Азией [Там же]. Проблемы формирования и расселения оседлых земледельческо-скотоводческих культур на Ближнем Востоке, Кавказе и в Закавказье («неолитическая революция») — сегодня одно из актуальных научных направлений. Поселения (Кюль-тепе II, Овчулартепеси, I Махта Кюльтепеси, Шому-тепе, Мейне-тепе, Каракёпек-тепе, Бабадервиш, Арапенгидже, Халадж, некрополей Дизе, Карабулаг, Пловдаг и Хорны и др.) наглядно иллюстрируют картину непрерывного процесса урбанизации с местными и постоянными признаками: прослеживается семантическая связь обществ периода энеолита и раннего бронзового века (образцы керамики, архитектурные сооружения, украшения, орудия труда и религиозные убеждения) [Исмаилзаде, 2008, с. 178]. Поселения Азербайджана эпохи мезолита, неолита и энеолита позволяют вплотную подойти к проблеме истоков производящего хозяйства и говорить о том, что территория входила в ближневосточный ареал первоначального становления и развития скотоводства.

Особое внимание хочется уделить архитектуре древних поселений эпохи оседлого землевладельческо-скотоводческого общества, развивавшегося на протяжении с VI по I тыс. до н.э. на территории Азербайджана

(Кюль-тепе, V–IV тыс. до н.э., Нахичевань; Шому-тепе, VI–V тыс. до н.э., Казахский р-н) [Ахундов, 1986, с. 14], которые напоминают изображения на петроглифах Гобустана и Гямигая. Циклопические сооружения Кюль-тепе представляли собой жилые и ритуальные круглые в плане постройки с отверстием в купольном перекрытии и прямоугольные, надземного и полужемляночного типа с центральными опорными столбами, плоскошатровой или типа дарбази крыши [Там же].

Рассматривая особенности жилища круглого плана, Х.А. Амирханов [Амирханов, 1987, с. 106] отмечает характерность этого типа для «начальной стадии домостроения» древнейших культур Ближнего Востока: так, жилища натуфийской культуры (Палестина, Ливан) 9551 г. до н.э. представляют собой дом с конической кровлей и центральным столбом; Зави Чеми Шанидар (Загрос, Северный Ирак), 8900–9200 гг. до н.э. — жилища с овальным или круглым планом.

Можно говорить о едином эволюционном процессе жилища: развитии от круглопланового до прямоугольного. Этот процесс прослеживается на памятниках Азербайджана, где энеолитические памятники Шому-тепе (конец VI — V–IV тыс. до н.э.) представляют собой овальные постройки из кирпича-сырца; в поселении Кюль-тепе в позднем энеолите наряду с постройками круглого плана мы видим примыкающие к ним прямоугольные постройки, хотя и хозяйственного назначения; в поселениях, принадлежащих к куро-аракской культуре III тыс. до н.э., несмотря на явное преобладание построек круглого плана, есть прямоугольные. На многослойном поселении Кюль-тепе можно проследить все этапы развития жилищ, зарождение новой балочной конструкции перекрытия со светодымовым отверстием с опиранием на отдельно установленный внутренний столб.

Позже в традициях многих народов мира представления о строении Вселенной воплотились в конструкции четырехугольного жилища с маркированным сакральным центром: четырем сторонам света соответствуют четыре священных дерева, поддерживающих небо, с четырьмя божествами-хранителями сторон света [Денисова, 1990, с. 105]. В архитектуре Закавказья получили распространение жилые дома типа дарбази-карадам — жилища, где жилое помещение перекрыто деревянным ступенчато-балочным сводом, опирающимся на внутренние или пристенные столбы или стены, а сами жилища стоят на квадратном основании, имеют верхнее светодымовое отверстие и очаг в центре помещения [Мехтиев, 1987, с. 12–20]. Карадамы и Gümbəzli ev (Гюмбезли эв) (купольные, квадратного и прямоугольного плана с центральным очагом) жилища

— результат эволюции заглубленных в землю жилищ, к которым относятся и кругло-плановые и полусферические образцы, обнаруженные на территории Азербайджана в древних поселениях Кюль-тепе, Шому-тепе и Тойрепе VI–IV вв. до н.э.

В Азербайджане карадам имеет свои локальные варианты: «эвдамы» (evdami), «гышдамы» (qışdami), «гара эв» (gara ev), «дорд дирек эв» (dörd dirək ev) — Нахичевань, «дам» (dam), «эвдамы» (evdami) — в Кельбаджарском, Лачинском, Губадлинском районах, «ойлюк» (oyluk), «шеше ойлюк» (şeşə oyuk), «пейе башы» (peyə başı) в Гейгёльском районах, «гюмбезли эв» (gümbəzli ev) — Апшерон, Гянджа. Особенности карадама — в устройстве перекрытия, которое представлено в виде сужающегося пирамидального верха из бревен, слои которого образуют восьмиугольник, на вершине оставалось отверстие для вентиляции и освещения.

Безусловно, прототипами для дальнейшего развития жилых домов Азербайджана послужили купольные циклопические жилища круглого и прямоугольного плана из кирпича-сырца с дымоходным отверстием и очагом периода неолита-энеолита.

В Азербайджане, Туркмении, Башкирии, на Северном Кавказе и Украине были распространены «човустаны» [Там же, с. 41] — каркасно-столбовое жилище, где «пространство между столбами-подпорками закрывали плетенкой из особого вида камыша, называемого “гивир”» [Магеррамова, 2010, с. 53]. В некоторых районах они назывались «тапанлы-човустан» [Там же].

Также до XIX в. в Азербайджане были распространены переносные жилища — «дая» (daya) и «алачиг» (alacıq) — войлочные переносные жилища населения, ведущего полукочевой образ жизни и занимающегося отгонным скотоводством [Там же]. В зоне Ширвана такие дома назывались «дюнюкю эв» (dünyüklü ev). «Алачиг», имея общие планировочные особенности с «дая», отличался конструктивным решением: в верхней части центрального опорного столба устанавливалось колесо, в обруче которого были отверстия для крепления жердей решетки алачига [Магеррамова, с. 55].

В декоре опорного столба карадама Закавказья (Азербайджан) прослеживается мотив рогов. Подобная символика была характерна для древнего населения Азербайджана и встречается в декоре алтарей храмов ходжалы-кедабекской культуры (XII–VIII вв. до н.э.) [Ахундов, 1986, с. 171–173]. Рогам украшен алтарь огня из многослойного памятника Баба-дервиш (Казахский р-н) ходжалы-кедабекской культуры (XII–VIII вв. до н.э.): над ритуальным очагом возвышались рога, алтарная часть была оформлена в виде рогов (ил. 2) [Там же]. Также изображения рогов обнаружены

в алтарной части храма поселения Сары-тепе (Казахский р-н) (ил. 3). [Там же, с. 164, 175]. Скульптурные изображения рогов свидетельствуют о слиянии образа рогов с символикой огня в период II тыс. до н.э. [Там же, с. 165]. В Ленкоранском, Кубинском, Кусарском районах Азербайджана капители на колоннах и сегодня называют «гочбаши» (qoçbaşı — «голова барана») [Эфенди, 1986, с. 10–12].

У древних турков огонь считался в юрте частью солнца (огня небесного) — очагу, находящемуся в центре юрты, придавалась округлая форма (солнечный диск); солнце и огонь и их связь с представлениями о жизни, о развитии и потомстве переносились и на женщину как прародительницу, хранительницу потомства [Безертинов, 2000, с. 71–95].

Рассматривая связь домашнего очага с опорным столбом жилища и очагом древнего храма, можно говорить о совмещении семантики мирового древа, воплощенного в центральном столбе жилого дома, и культа домашнего очага с жертвенным столбом и при этом связи с культом богини-матери. Образ богини Умай как богини — родоначальницы и хранительницы очага и младенцев —

Ил. 4. Алтарь огня Апам Напата вблизи Девичьей башни (Qız Qalası, Баку, Азербайджан) [Ахундов, 1986, с. 91]

Fig. 4. Fire altar Apam Napata near Giz galasi (Baku, Azerbaijan) [Akhundov, 1986, p. 91]

зародился в этносознании турков, возможно, одновременно с их космогоническими представлениями [Эфенди, 2002, с. 61].

И в то же время образ нельзя отрывать от культа солнца и связанных с ним солярных знаков, в том числе и в форме украшения столбов рогами. Ассоциация Умай в народных эпосах с солнцем указывает на очень древние мифологические истоки. На солнечную природу Умай, по мнению В.Н. Басилова: «указывает генетическая связь с древнеиранскими представлениями о птице Хумай» [Басилов, 1982, с. 547]. Представление о солнце как матери-прародительнице сохранилось в бурятской культуре [Николаева, 2008, с. 109]. В качестве идейной основы лунно-солнечного календаря у бурят выступает универсальный для скотоводческих народов Центральной Азии и Сибири сюжет космогонического мифа о трех маралах (три звезды пояса созвездия Орион) и небесном стрелке (Сириус). Главной отличительной чертой этого мифа является то, что на смену идее о краже Солнца и его возвращении, свойственного архаическим календарным мифам охотников, приходит представление о творении Солнца в течение ночи и его рождении на рассвете. Н.Б. Дашиева также обращает внимание на связь богини Умай с солнцем «как ранний мировоззренческий пласт», где солнце у народов Сибири выступает в женской ипостаси: Умай-энэ, Пайона, Май-энэ, Майлган («творящие Май» — три звезды Ориона, появление которых на предутреннем небе предвосхищало восход солнца), отмечая солнечную природу богини, маркируемую рогатым копытным (маралухи), обращает внимание на «палку» с развилкой как ее атрибут [Дашиева, 2001].

Следует отметить, что, по народному преданию, в Азербайджане с древнейших времен в качестве опорного столба «карадам-дарбази» использовался ствол неочищенного от коры дерева с развилкой, в которой устанавливали главный прогон. Столб назывался «ана дирэк» (ana dirək — «мать-основа»), что говорит о символической связи с воплощением обожествленного женского предка [Мехтиев, 1997, с. 53], а основной элемент «алачига» (войлочного жилища) назывался «ана чубук» (ana çubuk).

В домах Ширвана типа «алачиг» называемых «гаракечя» и «дюннюклю» (qarakeçə и dünnükli) на верхушке центрального опорного столба устанавливали «саганаг» или «чарх». «Саганаг» (sağanaq — «обруч») — так называются пяльца, используемые для тамбурной вышивки «текелдуз» (tekelduz), распространенной в основном в Шекинском р-не (Азербайджан). У казахской юрты этот элемент называется шанырак.

Мы видим, как происходит отождествление мирового дерева и богини-матери — как воплощения жизненной силы и плодородия

— и их воспроизведения в виде оленерогой богини, а иногда и рогов барана или быка. Образ великой богини зачастую сливается с мировым деревом, а иногда его заменяет. То есть мировое дерево, по сути, и есть образ плодородия, женщины, богини-матери. На это также указывает Г.Р. Галданова, по мнению которой, следствием почитания матери-земли стал культ деревьев [Галданова, 1987, с. 41]. Подтверждением этому может служить изображение на молитвенных коврах Ширвана (середина XIX в.).

По мифологическим представлениям алтайцев, высшее божество — творец неба и земли — живет во дворце в виде крошечной юрты, из вершины которой поднимается дерево [Денисова, 1990, с. 104]. Процесс камлания шамана, отождествляемый с подъемом на небо, также происходит вокруг жертвенного столба [Павлов, 2001, с. 133]. Во время празднования хабантуй в центре площади — майдана (название, производное от древне-ведийского medha — «жертвенный столб — жертвенная пища») — воздвигается столб, прообраз мирового дерева, называемого башкордами именем Багана от Бхаган — «святылище с изваяниями». Можно говорить о том, что в шаманской мифологии также прослеживается соотношение идеи мирового дерева с жертвенным столбом.

Итак: в структуре жертвенного столба и опорного столба древнего жилища представлены центр мира в образе мирового дерева — столба или горы, три основных составляющих мироздания с общением по вертикали через дымовое отверстие с небом, божеством и Вселенной. Различные значения его, сохранившиеся до нашего времени, показывают реальные истоки происхождения опорного столба¹ — «мирового дерева, соединяющего нашу землю с небом». По мнению Г.М. Василевич [Василевич, 1957, с. 155–156], значения, сохранившиеся за этим словом, показывают три линии дальнейшего развития символических представлений:

- 1) столб-древко-знамя;
- 2) стойбище-жилище;
- 3) шаманское дерево, соединяющее землю с верхним миром.

Таким образом, культ матери — продолжательницы рода — символизировал материальное начало рода. В мифопоэтических представлениях дому отводилось чрезвычайно важное место — он осмыслился как «мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим». Жилище было по преимуществу носителем признака «внутренний»: оно оберегало человека от невзгод внешнего мира, создавало атмосферу безопасности, определенности, организованности, противостоящей внешнему хаосу. Дом сравнивался с матерью, которая

¹ В качестве какового оно используется в обрядовой практике эвенков.

кормит и охраняет дитя, а также с материнским чревом, с наседкой, защищающей цыплят — закрытое, обжитое пространство, где главенствовали атрибуты дома, такие как постель, печь, тепло, издавна осмыслялось как женское, в отличие от неуютного холодного внешнего мира, в котором главную роль играл мужчина — землепроходец, строитель, завоеватель. Человеку нужен был дом, соединяющий небо и землю. Поэтому возникла необходимость создания в доме некоего сакрального пространства, напоминавшего о связи домашней организации и защищенности с божественным миропорядком и защитой от потусторонних сил.

Учитывая то, что как мировое древо, так и «мировой столб» символизировали центр Вселенной, установка столба с рогами означала связь этого места с космосом, его святость. Огонь домашнего очага выступал как символ Солнца, одного из универсальных символов в мировоззрении народов мира. Столб, расположенный у очага, был атрибутом культа богини — расположение наверху символа, представляющего барана, стало результатом переосмысления эмблемы, обозначавшей небо [Голан, 1994, с. 62–63].

Аналогичная символика прослеживается в материалах скифской культуры — по мнению Д.Г. Раевского, наверхия в виде «рогов» увенчивали ритуальные, в частности, жертвенные столбы, трактовавшиеся как материальное воплощение мирового дерева, маркирующего центр мироздания, или четырех деревьев, соотносимых со сторонами света [Раевский, 1985, с. 98–99]. Причем описание жертвенных столбов, увенчанных наверхиями и осмысляемых как деревья, известно из Ригведы (III, 8, 10), оно связано с сакральной функцией, с совершением погребальных и иных ритуалов [Там же].

Таким образом, центральный столб в мифологии считался таким же священным, как и очаг: столб и очаг перед ним маркировали центр, точку развертывания мира — согласно мифологии, как «мир был “развернут” из тела жертвы, так и дом “выводится” из тела жертвы или предка» [Семиотика и язык архитектуры, 1991, с. 83]. В этом содержится весь микрокосм жилища: очаг — источник жизни, центральный столб — древо жизни. Анализ мифологии дает обширный материал для этой темы и позволяет отметить, что обращение к образу дерева не случайно, а также выявляется, что наиболее часто в этом семантическом комплексе актуализируется женское божество с материнскими функциями.

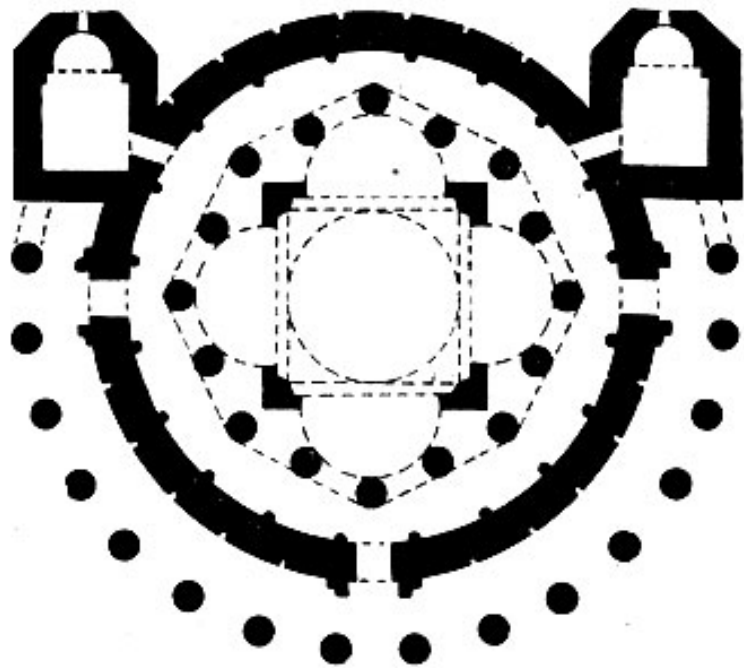
У Девичьей башни (Qız Qalası), в древности называвшейся Хунзар/Хонсар (Баку), стоял алтарь огня (ил. 4) в честь бога нефти Апам Напата (II тыс. до н.э., 225–235 см выс.) в виде каменной чаши на восьмигранной колонне (выс. 110 см и шир. 45 см),

установленной на восьмигранное трехступенчатое основание (каждая ступень — выс. 22–25 см) [Ахундов, 1986, с. 57].

В мечети Нуснус (Ордубад) в центре стоит пятиметровый каменный столб шириной около метра, выступая над полом второго этажа — в предании местных жителей «камень вырос из земли».

В Казахстане сохранилась подземная древняя мечеть в Некрополе Шопан-Ата — центральный зал там освещается через круглый световой люк диаметром 1,2 м (смещенный относительно центра потолка), где установлен длинный деревянный шест, считающийся священным, увешанный полосками ткани и рогами архаров, который выходит через люк наружу на высоту более одного метра.

Многие алтайские народы представляют себе небо в виде «небесного шатра, где в центре Неба сияет Полярная Звезда», в которую упирается шест, который называют «Золотой Гвоздь» (монголы, буряты), «Железный Гвоздь» (сибирские татары), «Солнечный Гвоздь» (телеуты) [Элиаде, 2002, с. 264]. По мнению М. Элиаде, это и послужило развитию космологических идей о жилище, где ось мира представляла собой «столбы мира, поддерживающие их жилища»: с эволюцией жилища «от шалаша с конической крышей до юрты» «мифо-религиозная функция несущего столба передавалась отверстию для дыма в верхнем круге юрты», где она соответствовала такому же отверстию «Небесного Дома», «дыре» в небесном своде, как Полярная звезда [Там же, с. 75–76]. На макрокосмическом уровне

Ил. 5. Храм в Леките [Всеобщая история искусств, 1961]
 Fig. 5. Temple in Lekit [The world history of arts, 1961]

это обозначало связь с небом при помощи Оси (Столба, Горы, Древа), на микрокосмическом — «с помощью несущего столба жилища или отверстия в войлоке юрты» [Там же, с. 264]. Это же отмечает А.К. Бисенбаев: «Три мира — небесный, земной и подземный — соединяет между собой Байтерек. Трём мирам соответствуют его крона, ствол и корни. Байтерек — ось миров. Его корни находятся в Нижнем мире, а вершина достигает Верхнего и упирается в Полярную звезду» [Бисенбаев, 2008, с. 43]. У него же «бог Тенгри, в великом гневе... вбил во Вселенную свой золотой посох и отделил Землю от Неба. Так появилась ось мироздания» [Там же, с. 56].

С глубокой древности звезды и числа играли важную роль. Восьмигранность была характерна для юрт древних тюрков и представляла собой модель космоса. Восьмиконечная звезда представляла самого Тенгри — Эльмира Гюль отмечает, что восьмиконечная звезда (юлдуз) персонифицировала Бога (Солнце). Автор ссылается на исследования В.И. Сарияниди, пришедшего к выводу, что восьмиконечная звезда соответствовала иероглифу «солнце» и в шумерийской клинописи обозначала слово «бог», «божество», и предполагает, что и в тенгрианстве она осталась символом бога [Гюль].

Как отмечает Р. Салаева, «характерным типом ордубадского жилища является восьмигранный распределительный вестибюль, покрытый полуциркульным или восьмигранным сводом» [Салаева, с. 28]. В основе пространственной композиции комплекса Дворца Ширваншахов (Баку) лежит число восемь: восьмигранный центральный и малый залы дворца, мавзолей Яхья Бакуви, ротонда Диван-хане и ее колонны, которых по каждой стороне восемь.

В Туве в поминальном комплексе VII–VIII вв. в Сырыг-Булун выявлено восьмигранное жилище на 13 вкопанных в землю столбах [Кызласов, 2005]. Восьмигранные жилища характерны для эвенков [Кузьмина, 2018, с. 72–73].

Если проанализировать композиционные приемы на основе восьмигранности в архитектуре Азербайджана, то можно отметить интересные совпадения. В архитектуре Кавказской Албании можно отметить круглый Килисадагский храм, посвященный Митре (II–III вв. н.э., Кабалинский р-н), где восемь колонн поддерживали барабан с куполом [Ахундов, 1986, с. 185]; восьмигранный храм в Мамрухе (III–IV вв. н.э. Закавказский р-н), «посвященный божественной триаде Митре, Ахура Мазде и Анахите — Беспредельному Свету — собственно Небу, Солнцу и Луне» [Там же, с. 184–185] с восьмигранным барабаном [Карахмедова, 1986, с. 17–18]; план Лекитского храма (IV–V вв., Гахский р-н) (ил. 5), колоннада которого образует

восьмиконечную звезду, а на фасаде установлено шестнадцать колонн, симметрично расположенных по восемь от входа; план Мохранисского храма (VI в., Гадрутский р-н), образующего восьмилепестковый цветок.

Культу Анахиты — Иштар — Инанны поклонялись на Ближнем Востоке и Средиземноморье, на территории Азербайджана ее называли Ардвисура Анахита («незапятнанная Ардви»), а в древних Мидии и Атропатене она вошла в триицу главных богов: Ахура Мазда, Анахита и Митра [Алекберли, 2001, с. 55]. И, как известно, восьмиконечная звезда была символом Анахиты, небесным аналогом которой считалась Венера. В то же время восьмиугольные символы связаны с началом солнечного года и рождением солнца, когда после зимнего солнцестояния день начинает увеличиваться и тьма отступает.

В дальнейшем символика передалась северной Полярной звезде — «путеводной», используемой с древности в навигации, а в современной жизни — розе ветров. Тенгри (Tanrı) — это не только творец мира, он представляет мироздание. Тенгри «создал Солнце и Луну. Они сменяют друг друга на небосводе, по их движению люди ведут отсчет часам и дням. Солнце и Луна — лик Тенгри и его отражение. <...> В центре небосвода расположена Полярная звезда, которую тюрки называли Алтын казык. <...> Остальные звезды кружат вокруг Алтын Казыка и тем самым выражают покорность воле Тенгри» [Бисенбаев, 2008, с. 55].

Храмы Кавказской Албании круглого плана сохранили архаические традиции, и, как видим, в их основе лежат и древние астральные культы, и культ Тенгри.

В дальнейшем, с приходом ислама, сакральность числа умножилась, так, в Коране отмечено: в Судный день восемь ангелов понесут Престол Бога, «в тот день наступит Событие. Небо разверзнется, ибо оно в тот день будет слабым. Ангелы будут находиться по его краю, и восьмеро понесут над собой Трон твоего Господа. В тот день вы предстанете, и ни одна ваша тайна не останется сокрытой» (69:15–18).

Интересно решение восьмигранного мавзолея Момине-Хатун (Нахичевань, Азербайджан), где в подземном склепе свод поддерживает центральная колонна (ил. 6). Наверное, не случайно, что в мавзолее, построенном в 1186 г. Атабеком Джаханом Пехлеваном (из династии Эльдегезидов) для матери Момине-Хатун, появилось столь своеобразное конструктивное решение (Момине-Хатун вместе с супругом, первым атабеком Шамс ад-Дином Эл-Денизом, считается родоначальницей династии Эльдегезидов и основательницей государства Атабеков) [Гаджиева, 2016, с. 20]. Подобное решение также встречается в архитектуре мавзолеев Хараба Гилан (Нахичеванская АР) и Гырма-

зы Гюнбез (Марага, остан Восточный Азербайджан, Иран) [Там же, с. 20]. Можно отметить такое же композиционное решение в восьмигранном мавзолее Ноя (Нахичевань).

Восьмигранность — характерная черта мавзолеев архитектора Аджеми Нахичевани (Юсифа ибн Кусейра и Момине-Хатун (1186 г.) в Нахичевани, в Хараба-Гилан, XV в., Ордубадский р-н) и вестибюлей двухэтажных жилых домов Ордубада. Восьмигранные мавзолеи были распространены по всему Азербайджану — это мавзолеи Шейх Баби Якуба (Физулинский р-н), Сейида Яхья Бакуви (Баку) в селении Хазра (Габалинский р-н), а также мавзолеи на территории Иранского Азербайджана — «Три купола» в Урмие (1985 г., Иранский Азербайджан) и т.д. Можно также отметить восьмигранные мечети в Габале (конец XVIII в.) и в селении Енгиан (Загатальский р-н).

Гёк-Танры — создатель порядка миров — равен небу по необъятности и бесконечности. Иногда Тенгри выступает как один персонаж, иногда это 5 Тенгри молний, 7 Тенгри грома, Тенгри четырех углов и Тенгри восьми границ, 9 Тенгри гнева и т.п. [Неклюдов, 1981, с. 193].

Восьмиконечная звезда и ее смысловые синонимы — Симург и Новруз — в азербайджанской

мифологии обозначала Сириус — звезду всех путников, светило, организующее великое пространство и время. Самая яркая звезда Сириус находится в созвездии Большого Пса. С древности Сириус называли Песьей звездой. Конфигурация звезд Большого Пса действительно очень напоминает собаку. Само созвездие находится рядом с созвездием Ориона, как будто бы собака у правой ноги Ориона. Также следует отметить, что в тюркской мифологии Сириус ассоциируется с волком. Волк как мифический и символический персонаж встречается во многих культурах. У тюркских народов волк воспринимался как родовой тотем, герой-родоначальник.

Восьмиконечная звезда с древнейших времен была тюркским тенгрианским символом солнца — символом единого бога Тенгри. Орнамент из восьмилучевых звезд и равноконечных крестов между ними украшал Джульфинские хачдаши, мавзолей Момине-Хатун, Юсиф ибн Кюсеира, Гюлистан Гырмызы Гюмбез (1148 г.), Алавияр в Хамадане, михраб Ханегя на р. Пирсагат-чай (XII в.), Мил минаре Саве (1061 г., Иран), шебеке дома Шекинских ханов, шебеке в мечети Ардебеля, мечети Гилейли Баку, ширванскую группу ковров — «Гаджигабул» и «Сальян»

Ил. 6. Мавзолеем Момине-хатун. XII век. Нахичеванская АР (Азербайджан). Восьмигранная колонна (https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:M%C3%B6m%C3%BCn%C9%99_Xatun_T%C3%BCrb%C9%99si_Basement.jpg)

Fig. 6. Mausoleum of Momine-Khatun. 12th century. Nakhchivan Autonomous Republic (Azerbaijan). Octagonal column (https://ru.m.wikipedia.org/wiki/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:M%C3%B6m%C3%BCn%C9%99_Xatun_T%C3%BCrb%C9%99si_Basement.jpg)

ковры Казахской группы — «Демирчиляр», «Гаджигабул», «Гараязы» и т.д.

Восьмиконечная звезда с древности присутствует в мифологии разных народов и культур. Ее отличие от других знаков — соединение, равновесие материального и духовного, упорядоченность. Интересную версию предлагает К. Юнг, основатель теории архетипов: круг представляет собой «символ совершенного состояния», в то время как «квадрат (соответствующий наименьшему из составных чисел 4), символизирует разобщенное состояние человека, не достигшего духовного совершенства (внутреннего единства) — с пересечением круга и квадрата образуется «восьмиугольник как динамический образ квадрата», где «знак четырех земных стихий превращается в знак вечности» [Юнг, с. 114, 118–119, 120].

Круг как геометрический знак представляет Бога и созданное им небо, квадрат представляет человека и землю, земное. Наверное, в этом и состоит сакральность формы «купола на квадрате» в культовой архитектуре, восьмигранность форм культовых сооружений.

По мнению М.Д. Ахундова, научная метамифология отталивается от структурных аспектов архаического мифа, «реконструирует рациональные космологические компоненты древних мифологий, развивая современные представления о пространстве и времени» [Ахундов 1982, с. 4]. Несмотря на то что каждая историко-культурная эпоха формирует свою мировоззренческую модель, в которой отражаются разнообразные пространственно-временные отношения, в мифологии остаются практически неизменяемые «архетипы». Анализ и исследование культуры древних поселений выявили элементы культов, распространенных в этот период, — огня, матери, охранявшей домашний очаг и т.д. [Ахундов, 1986, с. 146–147]. Первые жилые строения совмещали в себе горизонтальные и вертикальные космологические параметры, представляли собой модель космоса [Денисова, 1990, с. 105] и в дальнейшем послужили развитию четырехугольных жилых домов с деревянно-ступенчатым сводом и центрально-купольных культовых сооружений. Таким образом, жилые постройки, соединив в себе первобытные представления об устройстве мира и жилые функции, первоначально служили своеобразными святилищами огня и местом отправления культов предков. Впоследствии эти функции, утратив свое основное назначение, выразились в композиционном построении сооружений и дошли до нас в виде народных преданий и обычаев, многие из которых почитаются и по сегодняшний день.

Вывод. Приведенные данные позволяют предположить, что в культуре Азербайджана жилой дом в прототипе являл собой

одновременно и своеобразный домашний храм, где главным ритуальным объектом был центральный столб, представлявший с очагом единый семантический комплекс и связанный с представлениями об устройстве мира и огнепочитании, что характерно для многих тюркских стран. Архетипический характер рассмотренных символов закреплялся в коллективной психике людей многих поколений. Проведенный анализ эволюционного развития жилой архитектуры и мифологических представлений Закавказья, Средней Азии, народов Севера и других стран позволяет говорить о тождественности национальных архитектурных традиций как результат единого генетического кода.

Материал передан в редакцию 10 мая 2020 г.

Список литературы

1. Алекперов А.К. Исследования по археологии и этнографии Азербайджана. — Баку: Изд-во Академии наук Азербайджанской ССР, 1960. — 360 с.
2. Алекберли Ф. Тысяча и один секрет Востока. — Баку: Издательско-полиграфический центр «Т», 2001. — 494 с.
3. Алиев В. Нахичеван — центр раннегородской культуры Азербайджана // *IRS — наследие*. — 2007. — № 3. — С. 4–6.
4. Алиев И.Г. Изучение проблем древней истории, филологии и археологии в Азербайджане в 1977–1987 годы // *Вестник древней истории*. — 1988. — № 1. — С. 56–77.
5. Амирханов Х.А. Чохское поселение. Человек и его культура в мезолите и неолите горного Дагестана. — М.: Наука, 1987. — 224 с.
6. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. — М.: Наука, 1982. — 224 с.
7. Ахундов Т., Алмамедов Х. Южный Кавказ в эпоху неолита — ранней бронзы (центральный и восточный регион) // *Азербайджан — страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н.э.: междунар. симпозиум, Баку, 1–3 апр. 2009 г.* — Баку: German Embassy, 2009. — С. 18.
8. Ахундов Д.А. Архитектура древнего и раннесредневекового Азербайджана. — Баку: Азернешр, 1986. — 311 с.
9. Басилов В.Н. Умай // *Мифы народов мира*. Т. 2. — М.: Советская энциклопедия, 1982. — С. 547.
10. Бисенбаев А.К. Мифы древних тюрков. — Алматы: Ан-Арыс, 2008. — 120 с.
11. Безертинов Р. Тенгрианство — религия тюрков и монголов. — Набережные Челны: Аяз, 2000. — 455 с.
12. Василевич Г.М. Древние охотничьи и оленеводческие обряды эвенков // *Собра-*

ние Музея антропологии и этнографии АН СССР. Т. XVII. — М.-Л.: Наука, 1957. — С. 151–156.

13. Всеобщая история искусств. — Т. 2. Искусство Средних веков. — Кн. 2 — М.: Искусство, 1961. — 1028 с.

14. Гаджиева А.Т. Архаическая модель мироздания в материальной культуре Азербайджана. — Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. — 164 с.

15. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. — Новосибирск: Наука, 1987. — 116 с.

16. Голан А. Миф и символ. — М.: РУС-СЛИТ, 1994. — 375с.

17. Гюль Э. Узбекский ковер — этническая специфика и вопросы символики декора. — URL: https://kyrgyz.ru/articles/uzbeks/elmira_gyul_uzbekskiy_kover__etnicheskaya_spetsifika_i_voprosy_simvoliki_dekora/ (дата обращения: 01.05.2020).

18. Дашиева Н.Б. Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). — Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2001. — 299 с.

19. Денисова И.М. Дерево-дом-храм в русском народном искусстве // Советская этнография. — 1990. — № 3. — С. 48–114.

20. Исмаилзаде Г.С. Азербайджан в системе раннебронзовой культурной общности Кавказа. — Баку: Nafta Press, 2008. — 304 с.

21. История Азербайджана. — Т. 1. — Баку: Элм, 2007. — 520 с.

22. Карахмедова А. Христианские памятники Кавказской. Албании: (Алазанская долина). — Баку: Элм, 1986. — 27 с.

23. Кузьмина Р.П. Наименования жилищ в эвенском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2018. — № 4(3). — С. 68–76.

24. Кызласов И.Л. Пратюркские жилища. Обследование К97 саяно-алтайских древностей. — М.: Самара: Офорт, 2005. — 96 с.

25. Магеррамова С.С. Типы жилищ и обряды связанных со строительной культурой юго-восточных районов малого Кавказа XIX — начала XX века // TURANSAM. — 2010. — № 6. — С. 52–55.

26. Мехтиев А.М. Деревянное зодчество Азербайджана. — Баку: Элм, 1987. — 110 с.

27. Нариманов И.Г. Древнейшая земледельческая культура Закавказья // Доклады и сообщения археологии СССР: 7-я международная конф. доистор и проистор. — М.: Наука, 1966. — С. 268.

28. Неклюдов С.Ю. Мифология тюркских и монгольских народов (Проблемы взаимосвязей) // Тюркологическим сборник. — М.: Наука, 1981. — С. 1832–202.

29. Николаева Д.А. Культ Умай в традиционной культуре бурят // Известия Российского педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные на-

уки». — 2008. — № 11(62). — С. 108–114.

30. Павлов Н.Л. Алтарь. Ступа. Храм. — М.: Олма-Пресс, 2001. — 368 с.

31. Рагимова М. Появление металла и его влияние на социально-экономическую структуру общества // Азербайджан — страна, связывающая восток и запад. Обмен знаниями и технологиями в период «первой глобализации» VII–IV тыс. до н.э.: международный симпозиум, Баку, 1–3 апр. 2009 г. — Баку: German Embassy, 2009. — С. 20–22.

32. Раевский Д.С. Модель мира скифской культуры. — М.: Наука, 1985. — 256 с.

33. Салаева Р. Нахчыван — наследие архитектуры. — Баку: Азербайджан, 2002. — 240 с.

34. Семиотика и язык архитектуры: сборник научных трудов. — М.: ВНИИТАГ, 1991. — 180 с.

35. Эфенди Р. Каменная пластика Азербайджана. — Баку: Ишиг, 1986. — 108 с.

36. Эфенди Ф. Этносознание турецких народов и их искусство. — Баку: Нурлан, 2002. — 160 с.

References

1. Akhundov M.D. Kontseptsii prostranstva i vremeni: istoki, evolyutsiya, perspektivy [The concept of space and time: sources, evolution, prospects]. Moscow.: Nauka, 1982. 224 p. (In Russ.)

2. Akhundov T., Almamedov Kh. Yuzhnyi Kavkaz v epokhu neolita — rannei bronzy (tsentral'nyi i vostochnyi region) [The South Caucasus in the Neolithic–Early bronze age (Central and Eastern region)]. In: Azerbaidzhan — strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period «pervoi globalizatsii» VII–IV tys. do n.e. Baku: German Embassy, 2009. Pp. 18–22. (In Russ.)

3. Akhundov D.A. Arkhitektura drevnego i rannesrednevekovogo Azerbaidzhana [The architecture of the Ancient and Early Medieval Azerbaijan]. Baku: Azerneshr, 1986. 311 p. (In Russ.)

4. Alekberli F. Tsyacha i odin sekret Vostoka [Thousand and one secret of the East]. Baku: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr «T», 2001. 494 p. (In Russ.)

5. Alekperov A.K. Issledovaniya po arkheologii i etnografii Azerbaidzhana [Studies of archeology and ethnography of Azerbaijan]. Baku: Izdatel'stvo Akademii nauk Azerbaidzhanskoi SSR, 1960. — 360 p. (In Russ.)

6. Aliev I.G. Izuchenie problem drevnei istorii, filologii i arkheologii v Azerbaidzhane v 1977–1987 gg. [The study of problems of ancient history, philology and archaeology in Azerbaijan in the years from 1977 to 1987]. Vestnik Drevnei Istorii. 1988. No 1. Pp. 56–77. (In Russ.)

7. Aliev V. Nakhichevan — tsentr ranne-

- gorodskoi kul'tury Azerbaidzhana [Nakhichevan as an early urban culture center of Azerbaijan]. *IRS — nasledie*. 2007. No 3. Pp. 4–6. (In Russ.)
8. Amirkhanov Kh.A. Chokhskoe poselenie. Chelovek i ego kul'tura v mezolite i neolite gornogo Dagestana. [The Chokh settlement. Man and his culture in Mesolithic and Neolithic periods of the mountainous Dagestan] Moscow: Nauka, 1987. 224 p. (In Russ.)
9. Basilov V.N. Umai. In: *Mify narodov mira*. T.2. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1982. Pp. 547 (In Russ.)
10. Bezertinov R. Tengrianstvo — religiya tyurkov i mongolov [Tengrianism — the religion of Turks and Mongols]. Naberezhnye Chelny: Ayaz, 2000. 455 p. (In Russ.)
11. Bisenbaev A.K. Mify drevnikh tyurkov [Myths of the ancient Turks]. Almaty: An-Arys, 2008. 120 p. (In Russ.)
12. Dashieva N.B. Kalendar' v traditsionnoi kul'ture buryat (opyt istoriko-etnograficheskogo i kul'turno-geneticheskogo issledovaniya) [The calendar in the traditional culture of the Buryats (the experience of historical-ethnographic and cultural-genetic research)]. Ulan-Ude: Vostochno-Sibirskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv, 2001. 299 p. (In Russ.)
13. Denisova I.M. Derevo-dom-khram v russkom narodnom iskusstve [A tree — a house — a temple in the Russian folk art]. *Sovetskaya Etnografiya*. 1990. No 3. Pp. 48–114. (In Russ.)
14. Efendi F. Etnosoznanie turetskikh narodov i ikh iskusstvo [Ethnic consciousness of the Turkish peoples and their art]. Baku: Nurlan, 2002. 160 p. (In Russ.)
15. Efendi R. Kamennaya plastika Azerbaidzhana [Stone plastics of Azerbaijan]. Baku: Ishig, 1986. 108 p. (In Russ.)
16. Gadzhieva A.T. Arkhaicheskaya model' mirozdaniya v material'noi kul'ture Azerbaidzhana [The archaic model of the universe in the material culture of Azerbaijan]. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 164 p. (In Russ.)
17. Galdanova G.R. Dolamaistskie verovaniya buryat [Pre-Lamaist beliefs of the Buryats]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 116 p.
18. Golan A. Mif i simvol [Myth and symbol]. Moscow: RUSLIT, 1994. 375 p. (In Russ.)
19. Gyul' E. Uzbekskii kover — etnicheskaya spetsifika i voprosy simvoliki dekora [Uzbek carpet — the ethnic specificity and questions the symbolism of the decor]. — URL: https://kyrgyz.ru/articles/uzbeks/elmira_gyul_uzbeks_kiy_kover_etnicheskaya_spetsifika_i_voprosy_simvoliki_dekora/ (accessed May 1st 2020). (In Russ.)
20. Ismailzade G.S. Azerbaidzhan v sisteme rannebronzovoi kul'turnoi obshchnosti Kavkaza [Azerbaijan in the system of the early bronze age' cultural unity of the Caucasus.]. Baku: Nafta Press, 2008. 304 p. (In Russ.)
21. Istoriya Azerbaidzhana. [The history of Azerbaijan]. Vol. 1. Baku: Elm, 2007. 520 p. (In Azerb.)
22. Karakhmedova A. Khristianskie pamyatniki Kavkazskoi Albanii: (Alazanskaya dolina) [The Christian monuments of the Caucasian Albania: (Alazani valley)]. Baku: Elm, 1986. 27 p. (In Russ.)
23. Kuz'mina R.P. Naimenovaniya zhilishch v evenskom yazyke [Names of dwellings in the Evenk language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika*. 2018. № 4(3). Pp. 68–76. (In Russ.)
24. Kyzlasov I.L. Pratyurkskie zhilishcha. Obsledovanie K97 sayano-altaiskikh drevnostei [Pre-turkic dwellings. Research of the Sayano-Altay antiquities. — Moscow-Samara, Ofort, 2005. 96 p. (In Russ.)
25. Magerramova S.S. Tipy zhilishch i obryady svyazannykh so stroitel'noi kul'turoi yugo-vostochnykh raionov malogo Kavkaza XIX — nachala XX vv. [The types of dwellings and rituals associated with the building culture of the south-eastern areas of the Lesser Caucasus in the 19th — the beginning of 20th centuries]. *TURANSAM*. 2010. No 6. Pp. 52–55. (In Russ.)
26. Mekhtiev A.M. Derevyannoe zodchestvo Azerbaidzhana [Wooden architecture of Azerbaijan]. Baku, Elm, 1987. 110 p. (In Russ.)
27. Narimanov I.G. Drevneishaya zemledel'cheskaya kul'tura Zakavkaz'ya [The most ancient agricultural culture of the Caucasus.]. In: *Doklady i soobshcheniya arkheologii SSSR: 7 mezhdunarod. konf. doistor i proistor*. Moscow: Nauka, 1966. P. 268. (In Russ.)
28. Neklyudov S.Yu. Mifologiya tyurkskikh i mongol'skikh narodov (Problemy vzaimosvyazei) [Mythology of Turkic and Mongolian peoples (relationship issues)]. In: *Tyurkologicheskii sbornik*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 183–202. (In Russ.)
29. Nikolaeva D.A. Kul't Umai v traditsionnoi kul'ture buryat [The cult of Umay in the traditional culture of the Buryats]. *Izvestiya Rosciiskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya Obshchestvennye i gumanitarnye nauki*. 2008. No 11(62). Pp. 108–114. (In Russ.)
30. Pavlov N.L. Altar'. Stupa. Khram [Altar. Chorten. Temple]. Moscow: Olma-Press, 2001. 368 p.
31. Raevskii D.S. Model' mira skifskoi kul'tury [The model of the world in the Scythian culture]. Moscow: Nauka, 1985. 256 p. (In Russ.)
32. Ragimova M. Poyavlenie metalla i ego vliyanie na sotsial'no-ekonomicheskuyu strukturu obshchestva [The appearance of the metal and its impact on the socio-economic structure of society]. In: *Azerbaidzhan — strana, svyazyvayushchaya vostok i zapad. Obmen znaniyami i tekhnologiyami v period«pervoi globalizatsii VII–IV tis. do n.e. Mezhdunarodnyi simpozium*, Baku, April 1–3, 2009. Baku: Posol'stvo Germanii, 2009. Pp. 20–22. (In Russ.)
33. Salaeva R. Nakhchivan — nasledie arkhitektury [Nakhchivan as a heritage of ar-

chitecture]. Baku: Azerbaidzhan, 2002. 240 p.

34. Semiotika i yazyk arkhitektury: sb. nauch. trudov [Semiotics and the language of architecture: collection of scientific works]. Moscow: All-Union Scientific Research Institute of Theory and History of Architecture and Urban Planning, 1991. 180 p. (In Russ.)

35. Vasilevich G.M. Drevnie okhotnich'i i olenevodcheskie obryady evenkov [Ancient hunting and reindeer herding rituals of the Evenki] // Sobranie Muzeya antropologii i etnografii of the Academy of Sciences of the Union of the Soviet Socialistic Republics. Vol. XVII. Moscow-Leningrad: Nauka, 1957. Pp. 151–156. (In Russ.)

36. Vseobshchaya istoriya iskusstv [The world history of arts]. Vol. 2. Iskusstvo Srednikh vekov. B. 2. Moscow: Iskusstvo. 1961. 1028 p. (In Russ.)

Список сокращений

АГУ — Азербайджанский государственный университет

ВНИИТАГ — Всесоюзный научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства

ВСГАКИ — Восточно-Сибирская государственная академия культуры и искусств

TURANSAM — Центр стратегических исследований Turan (Turan Stratejik Araştırmalar Merkezi)